Рубакин

Воры и разбойники
НА КАЗЕН СЛУЖБЕ

3 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Цг 11
Р 833

НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА.

ЦГП
Р833

СЕРГѢЙ НЕКРАСОВЪ.

Рубакин, Н.А
X
№ 165

ВОРЫ И РАЗБОЙНИКИ НА КАЗЕННОЙ СЛУЖБѢ

Изданіе Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ
и
Аграрно-Соціалистической Лиги.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

3экз

ЦГИ
Р833

БИБЛИОТЕКА
Института В. И. Ленина
№ 412509 у
390-25

№165
УКРАЇНСЬКА СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧНА СПІЛКА
Р. С. Д. Р. П.
Редакція „ПРАВДИ"

ВОРЫ И РАЗБОЙНИКИ НА КАЗЕННОЙ СЛУЖБѢ.

§1. — „Долой полицію! Долой ее, проклятую!"

Такіе крики то и дѣло раздаются теперь и здѣсь, и тамъ, по городамъ, по деревнямъ, по фабрикамъ, по всей русской землѣ.

Давно-ли, кажется, была тишь да гладь? А теперь вездѣ завопили, и съ каждымъ годомъ вопятъ все громче да громче. И не только вопятъ, но и грозятъ. И не только грозятъ, но и дѣйствуютъ.

Кто-же эти дерзкіе и отчаянные люди, которые даже противъ царской полиціи пошли? Пьяницы они что-ли какіе, — буяны, воры, разбойники?

Нѣтъ, они — самые мирные, работящіе, терпѣливые люди, — люди разныхъ званій и состояній, а больше всего фабрично-заводскіе рабочіе, ремесленники, студенты, крестьяне.

Чего-же они „бунтуютъ"? Вѣдь пословицы говорятъ: „съ сильнымъ не борись" и „противъ рожна не при". А теперь что творится? Простой народъ борется съ полиціей, простой народъ претъ противъ нея. И не только простой народъ, — много кой-кому она жизнь портитъ.

Значитъ, ужъ не хватило моченьки даже у смирныхъ А терпѣливыхъ людей терпѣть полицейскія злодѣянія, инижаться передъ полиціей; значитъ, ужъ солоно отъ еня пришлось.

Но многихъ-ли она разобидѣла? Можетъ быть, какихъ

нибудь одного или двухъ неугомонныхъ, „безпокойныхъ“ людей?

Нѣтъ, полиція *всѣхъ* разобидѣла, — всѣхъ, кромѣ своего собственнаго начальства и тѣхъ мерзавцевъ земли русской, которые за полицейскія спины прячутся и тамъ свои дѣлишки обдѣлываютъ.

Народъ питаетъ ненависть къ полиціи за дѣла полицейскія, за самый духъ полицейскій; заставляетъ ненавидѣть полицію *все житье-бытье русскаго народа*, особенно же простыхъ людей, — фабричныхъ и деревенскихъ.

На полицію идутъ деньги изъ казны. А казна откуда ихъ беретъ? Прежде всего съ народа-же — деревенскаго и фабричнаго. На полицію даютъ городскія и сельскія общества. А эти деньги какія? Да тѣ-же народныя! Простой народъ своими карманами за всѣхъ отдувается. Онъ всѣмъ плати, всѣхъ корми! Еще восемь лѣтъ тому назадъ казна отпускала 42 милліона рублей. Кромѣ того, на нее же давали земства безъ малаго 17 милліоновъ рублей; кромѣ того, городскія общества отпускали на нее пять милліоновъ рублей. Это выходитъ слишкомъ 64 милліона рублей. Кромѣ того, еще приходится отпускать квартирныя деньги урядникамъ и жандармамъ—волостныя 181,100 р., сельскія 13,155 р. сотскимъ и десятскимъ—волостныя 430,969 р., сельскія 1,060,593 руб. Такъ было 8 лѣтъ тому назадъ, а теперь раза въ полтора больше. Въ 1903 году казна стала отпускать на 12 милліоновъ ежегодно больше чѣмъ прежде и на эти деньги завела новыхъ тридцать пять тысячъ полицейскихъ. Такимъ образомъ, простой народъ на полицію *больше ста милліоновъ въ годъ даетъ* черезъ казну и городскія и сельскія общества. Это выходитъ больше чѣмъ *триста тысячъ рублей въ день*!*)

---

*) 20 января 1903 г. царь Высочайше издалъ такой приказъ: онъ велѣлъ въ немъ прибавлять изъ казны на одну петербургскую полицію 237 тысячъ рублей ежегодно, не считая того, что ей давали раньше. На одинъ городъ Саратовъ министръ внутреннихъ дѣлъ прибавилъ новаго налога 23000 рублей въ

И это не считая того, что полиція сама съ народа соберетъ въ свою пользу законно и беззаконно, то есть своими средствами. На полицію народъ-бѣднякъ свои кровные трудовые гроши вмѣстѣ съ податями и налогами отдаетъ. Страшно даже подумать, какія огромныя жертвы несетъ на полицію русскій народъ. Наложили на него эти жертвы, взвалили насильно ихъ ему на шею, „вотъ тебѣ, вѣрноподданный волъ подъяремный, — возьми и неси, какъ знаешь, свое собственное ярмо!" И не спрашиваетъ этотъ подъяремный волъ, да стоитъ-ли эта самая полиція такихъ его огромныхъ жертвъ? Что она для него дѣлаетъ за такія большія и дорогія деньги? За какія такія благодѣянія ей платить то приходится? Отчего бы и не платить, коли есть за что? Разберемъ-ка да разсмотримъ, что полиція дѣлаетъ и стоитъ ли ей платить?

Говорятъ, полиція всему народу полезна и нужна.

годъ на полицію, не считая квартирнаго довольства полицейскимъ чинамъ. Многіе города получили такіе же приказы. Они молятъ сложить съ нихъ расходы на полицію, но получаютъ всегда отказъ со стороны министра. «Городъ Полтава, напримѣръ, получилъ на свое иждивеніе (квартирное) цѣлый казачій полкъ; что же касается сложенія съ него ежегоднаго расхода въ 800 руб. на усиленіе канцелярскихъ средствъ мѣстныхъ полицейскихъ управленій, то министръ внут. дѣлъ, предполагая, что теперь, черезъ 1 годъ, таковыя средства у города уже имѣются, предложилъ городскому управленію, содержать на свой счетъ еще и городовыхъ при казенныхъ винныхъ лавкахъ.»

«Бѣлостокскимъ думцамъ предложено ассигновать необходимую сумму на содержаніе, кромѣ существующаго теперь числа городовыхъ, еще 50 городовыхъ.»

«Финансовая комиссія Москвы въ своемъ докладѣ отъ 9-го сентября 1899 г., исчисливъ дѣйствительные расходы города на содержаніе городской полиціи, пришла къ тому заключенію, что расходы по этому предмету, исчисленные въ смѣтѣ въ 1.147.782 руб. въ дѣйствительности опредѣляются по самому минимальному расчету въ 3.317.625 руб.» «Финансовая комиссія гор. Николаева при разсмотрѣніи проекта смѣты на 1903 г. пришла къ заключенію, что расходы на одну полицію, исчисленные въ смѣтѣ въ 48 тысячъ рублей, въ дѣйствительности равняются болѣе чѣмъ 90 тыс. рублей.»

Говорятъ, она „предупреждаетъ и пресѣкаетъ преступленія“, мѣшаетъ ворамъ воровать, а разбойникамъ разбойничать. Шутки шутите! Кому бы говорить, кому бы слушать! Спросите-ка у простого народа, такъ ли онъ разсуждаетъ насчетъ полиціи? Простой человѣкъ, деревенскій или фабричный, правду-матку вамъ разскажетъ, стоитъ ему только свои бока показать и карманъ выворотить. Кому другому, а простому народу нѣтъ отъ полиціи пользы ровно никакой. Охрана отъ воровъ лишь богатѣямъ нужна,—у тѣхъ есть что воровать ворамъ, а у деревенской и фабричной бѣдноты иной разъ и воровать то нечего, потому что заработки и достатки и безъ того растеклись по начальству да по карманамъ народныхъ обидчиковъ. А коли полиція богачамъ-господамъ нужна, пусть они ее на свои доходы и содержатъ! Но нѣтъ, небось,—сами то они не очень раскошеливаются.

Говорятъ, полиція нужна, чтобы народъ отъ воровъ охранять, добрые нравы укрѣплять, законы поддерживать. А, господа почтенные, на нашихъ, горбахъ свою рожь молотящіе, ловко вы придумали! Во всей Россіи теперь полицейскихъ больше пятисотъ тысячъ,*)—это цѣлое войско! Почему же такое войско до сихъ поръ воровъ не выловило? Почему оно добрыхъ нравовъ не насадило и законъ на счетъ поимки воровъ не исполнило? Воры, вѣдь, до сего времени водятся и подъ носомъ полицейскихъ разгуливаютъ. Правда, иной разъ полицейскіе и поймаютъ иного воришку-жулика. Но что это за воръ? Воръ бѣднякъ, воръ несчастный, воръ, ворующій чаще всего съ голода,—такой воръ, кого до воровства довела бѣдность деревенская, городская или фабричная. Вотъ такіе то воры и попадаются чаще всего въ руки полиціи. А почему же она не ловитъ воровъ богатыхъ, воровъ крупныхъ, тѣхъ воровъ, которые воруютъ отъ жадности и отъ сытости? А потому, что около такихъ воровъ полиція сама руки грѣетъ.

---

*) Въ Россіи 1000 городовъ и около 500 тысячъ деревень

Воръ генералъ Анненковъ въ 1891-92 г. больше семи милліоновъ рублей укралъ во время деревенскаго неурожая и голода изъ тѣхъ денегъ, которыя должны были идти изъ казны и изъ пожертвованій на помощь мужикамъ. Воръ-банкиръ Алчевскій, въ 1900 г., воръ-купецъ Мамонтовъ, въ 1898 г., растратили вдвоемъ около 20 милліоновъ рублей чужихъ денегъ среди бѣла дня! А полиція что въ это время дѣлала? Гдѣ она была? Чего она смотрѣла? Полиція на заднихъ лапкахъ передъ этими ворами танцовала и подачекъ себѣ отъ нихъ ждала! Въ Министерствѣ Финансовъ въ 1896-7 г. въ одинъ годъ украдено 44 милліона 800 тысячъ рублей казенныхъ, т. е. народныхъ денегъ,—кто ими полакомился?*) Этихъ воровъ-чиновниковъ, воровъ-министровъ полиція даже и не подумала ловить! А воры-инженеры, воры-интенданты, воры-офицеры и генералы, воры-подрядчики, гдѣ же они? Не въ кутузкѣ ли? Нѣтъ, они благодушествуютъ на глазахъ полиціи! Имъ то она не страшна! Это, вѣдь, не простой народъ. Этихъ воровъ полиція не только не ловитъ, она ихъ сама укрываетъ.

§ 2. Да что эти воры! Всякому вору, съ котораго можно поживиться, полиція—самый вѣрный другъ. Она ворамъ помощница, она ихъ укрывательница, она имъ родной братъ. И чѣмъ ловчѣе воръ, тѣмъ онъ больше ей братъ. Полиція, что твоя дряная навозная муха,—на ту кучу прежде всего и летитъ, которая хуже пахнетъ. Воры-спеціалисты для полиціи настоящее золотое дно. Вмѣсто того, чтобы такихъ воровъ ловить, не выгоднѣе ли для полиціи своей властью воспользоваться и съ ними барыши дѣлить? И воры будутъ такимъ способомъ цѣлы, и полицейскіе сыты. Не потащитъ же по-

---

*) Эта огромная кража раскрылась случайно. Ее раскрылъ одинъ честный писатель Л. К. Бухъ. Онъ подсчиталъ отчеты государственной казны и доказалъ, что счета въ нихъ подстроены неправильно, по просту навраны. Объ этомъ всякій желающій можетъ прочитать въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1901 г. № 3 статья Л. Буха.

лиція сама себя въ участокъ! Бывали даже и такія дѣла: въ Радомѣ и Измаилѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ полицейскіе чины такъ своею властью воспользовались: они устроили съ ворами заодно настоящія воровскія шайки и нѣсколько лѣтъ обкрадывали горожанъ И еще какъ дѣйствовали! Сначала воръ съ помощью полицейскаго оберетъ, обворуетъ обывателя, а потомъ полицейскій ограбитъ вора: вору грошъ за труды, полицейскому рубль за „молчаніе и охрану". Въ Баку и Владивостокѣ на глазахъ у всѣхъ полицейскіе помогали разбойникамъ и ворамъ. Тоже дѣлается и во всей Россійской Имперіи. Въ Иркутскѣ въ 1903 г. полицейскіе служители ограбили желѣзнодорожнаго служащаго въ арестантской камерѣ одной изъ частей. Жандармы еще лучше дѣйствуютъ; пользуясь своимъ подлымъ мундиромъ, они воруютъ и крадутъ среди бѣла дня: симферопольскій жандармскій полковникъ Меранвиль де Сенъ Клеръ лихо обобралъ слабоумнаго таврическаго помѣщика Попова. Въ 1898 году въ московскомъ жандармскомъ управленіи проворовался жандармскій офицеръ Чернопятовъ: нѣсколько лѣтъ кралъ онъ деньги, которыя должны были идти рабочимъ, студентамъ и другимъ лицамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Чернопятовъ всѣ эти деньги себѣ въ карманъ клалъ. Но это еще что! Жандармы и сыщики ничѣмъ не стѣсняются: они воруютъ и крадутъ даже во время обысковъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Кіевѣ они украли около ста рублей во время обыска у извѣстнаго писателя В. В. Водовозова. Въ Ростовѣ на Дону во время обыска сыщики и урядникъ Скляровъ украли у мѣщанъ Тишиныхъ два браслета, деньги и ружье. А въ Тулѣ въ іюнѣ 1902 г. приставъ 2-го участка Уваровъ пришелъ въ два часа ночи съ двумя своими помощниками въ квартиру одного мѣстнаго купца Лимонада, когда того не было дома, и потребовалъ отъ его сына ключи отъ письменнаго стола, гдѣ хранились у Лимонада деньги и векселя. Лимонадъ-сынъ отказался дать эти ключи; тогда приставъ Уваровъ сталъ отбирать ключи силой и даже ударилъ Лимона-

да по рукѣ; въ это время вернулся домой Лимонадъ-отецъ и сталъ требовать отъ полицейскаго бумагу, постановленіе, на основаніи котораго полиція ворвалась къ нему ночью въ домъ Не тутъ то было! Приставъ грозно объявилъ, что онъ дѣйствуетъ „по указу его величества", а „за неисполненіе требованій полиціи онъ, Лимонадъ, будетъ отвѣчать передъ судомъ. Постановленіе объ обыскѣ будетъ, молъ, тебѣ потомъ показано." Волей неволей Лимонадъ повиновался. Полицейскій взломалъ одинъ ящикъ въ его столѣ, вынулъ оттуда векселя, подписанные другимъ Тульскимъ купцомъ нѣкіимъ Зефреномъ и унесъ ихъ съ собою! Чѣмъ это не воръ и грабитель со взломомъ да еще дѣйствующій отъ царева имени? Вотъ какъ полицейскіе охраняютъ отъ воровъ. **Они сами первые воры.**

§ 3. Но воровство полицейскихъ еще что! Полицейскіе не только воры,—они и грабители, и къ тому же самые наглые и страшные. Ихъ грабежъ идетъ безъ стѣсненія среди бѣла дня—по всей Руси. Спросите ка у простого и торговаго народа, что такое полицейскій грабежъ: онъ разскажетъ, какъ полиція деретъ съ живого и мертваго, какъ она собираетъ себѣ мзду и направо и налѣво, и такъ, и сякъ, и товаромъ, и деньгами, а, съ кого можно,—и натурой. Есть ли такое мѣсто на Руси, гдѣ бы полицейскихъ взятокъ и поборовъ не было? Когда полицейскій даже съ нищимъ разговариваетъ,—и то ему въ руку смотритъ, нельзя ли семитку сорвать, а „не то въ случаѣ чего, я тебя слопаю". Извощики, трактирщики, разнощики, лавочники, домохозяева, даже иные дворники полицейскими властями обложены данью,—чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ больше полиція надъ нимъ и куражится, потому полиція—царева власть, а народъ — вѣрноподданный царевъ. Особенно удобно для полиціи собирать мзду съ народа подъ видомъ штрафовъ. Ужъ чего лучше! Сами полицейскіе могутъ ихъ накладывать, сами ихъ собираютъ, и въ свои книги записываютъ, сами же они въ собранныхъ деньгахъ только своему начальству отчетъ даютъ, —то-

му самому начальству, съ которымъ они этими деньгами дѣлятся. Ну развѣ своя рука не владыка? Почитайте—ка, что пишутъ въ газетахъ: „на основаніи такой то статьи такой то полицейскій штрафуетъ такого то обывателя на столько то рублей," за нарушеніе такихъ то„правилъ", придуманныхъ, здорово живешь, самою жъ полиціей. „За то, что имѣлъ у себя въ квартирѣ безъ особаго разрѣшенія ружье", — тридцать рублей штрафу; за то, что допустилъ въ своемъ домѣ сборище—500 рублей; за то, что сталъ вмѣстѣ съ другими читать евангеліе,—40 рублей. На югѣ Россіи такіе штрафы за чтеніе евангелія—настоящій кладъ для поповъ и полиціи. Русскіе люди вѣры евангельской (баптисты, штундисты), сектанты, раскольники платятъ мзду полиціи, даже не дожидаясь протокола. Еще больше ей платятъ евреи за свое „мѣстожительство". Или штрафъ, или откупайся. Откупишься — все пойдетъ въ карманъ полицейскому; не откупишься — заплатишь штрафъ, — изъ штрафныхъ денегъ добрая половина ему же въ карманъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ моченьки не стало выносить эти штрафы извозчикамъ. Полиція штрафуетъ ихъ на всякомъ шагу, безъ вины или за самую пустячную вину (напр за то, что дыра на кожухѣ); сорвать 3 рубля штрафа изъ 8-рублеваго извозщичьяго жалованья—для полицейскаго это сущіе пустяки. Накладываются иной разъ штрафы 5 и 10-рублевые. Оштрафовать бѣднаго человѣка, не давъ ему даже оправдаться и даже не вѣря никакимъ свидѣтелямъ съ его стороны,—эка бѣда! Каждый годъ собирается такихъ штрафныхъ денегъ съ извозчиковъ больше 250 тысячъ рублей. А какъ квитанціи на эти деньги пишутся? А куда идутъ эти денежки? Ну-ка, извозчики вѣрноподанные, смекните умомъ! Извозчикамъ отъ полиціи такъ туго приходится,-только держись! Одна только бѣда,—терпѣніе у нихъ такое же, какъ у ихъ лошадей. Извозчики—настоящіе рабы вѣрноподданные въ рукахъ у полиціи. Плати ей у вокзала, плати у театра, плати за это, плати за то,—а коли что не по

полицейскимъ правиламъ, штрафъ и арестъ. Въ Петербургѣ одинъ бѣдняга извозчикъ заплатилъ штрафъ за то, что полицейскому взятку не далъ, когда тотъ увидалъ, что извозчикъ слѣзъ съ козелъ и до вѣтра пошелъ: по полицейскимъ правиламъ,извозчикъ весь день долженъ сидѣть на козлахъ! Вотъ даже какія дѣла человѣческія у полицейскихъ налогомъ обложены! „За иныя, молъ, твои дѣла ты, простой человѣкъ, царю плати, а мнѣ, полицейскому, и за это давай".

Сосчитайте ка, добрые люди, каковъ у полиціи постороннiй доходъ, то есть доходъ отъ грабежа царскихъ вѣрноподданныхъ! Такъ и полагается по полицейскому правилу: большіе воруютъ, а маленькіе по ихъ стопамъ идутъ. Только та разница, что большой чинъ беретъ сотни и тысячи, а маленькій—рубли и гроши. Какой нибудь приставъ получаетъ 40—50 р. жалованья въ мѣсяцъ, а своихъ лошадей держитъ. Ужъ не святой ли духъ ему деньги носитъ? Полиціймейстеры своими домами обзаводятся, а петербургскій градоначальникъ Клейгельсъ (тотъ самый, которому царь далъ недавно орденъ св. Владимира и генералъ-адъютантскій чинъ) за нѣсколько лѣтъ своей службы царю и отечеству купилъ себѣ нѣсколько имѣній за дорогую цѣну, одно имѣніе (въ Виленскомъ уѣздѣ Виленской губерніи) за милліонъ рублей имъ куплено'*) Откуда сіе? Или отъ трудовъ праведныхъ? Смоленскій губернаторъ Звегинцевъ, какъ всему городу извѣстно, взятки средп бѣла дня беретъ, а черниговскій губернаторъ Андреевскій (за свои заслуги нынѣ сдѣланный директоромъ всѣхъ почтъ и телеграфовъ) даже узаконилъ взятки и поборы полицейскихъ:

---

*) Имѣніе это въ 22000 десятинъ. Оно было заложено въ Виленскомъ земельномъ банкѣ за 200000 рублей. Сначала его купилъ генералъ-губернаторъ Кантакузенъ за 216 тысячъ рублей и скоро перепродалъ его съ огромнымъ барышомъ. Имѣніе прошло черезъ двое рукъ и теперь перешло къ Клейгельсу. Тотчасъ же Клейгельсъ отдалъ лѣсъ на срубъ и выручилъ за него 500 тысячъ. Разрѣшеніе рубить лѣсъ далъ ему товарищъ министра фонъ Валь, тоже полицейскій (бывшій С.-Петербургскій градоначальникъ).

особымъ тайнымъ приказомъ (циркуляромъ) онъ велѣлъ всѣмъ полицейскимъ чинамъ мзду въ свою пользу собирать подъ видомъ благотворительныхъ сборовъ на пріюты! Онъ даже пишетъ въ этомъ приказѣ: „содѣйствіе начальниковъ полиціи помогло и помогаетъ покрытію расходовъ *на многое необходимое*". Хорошо сказано! Другими словами: „собирай, молъ, себѣ мзду!" И полиція собирала эту мзду и по квартирамъ и даже на базаръ,— часть себѣ въ карманъ, а часть губернатору, — губернаторъ же, для виду, отдавалъ частицу въ какой нибудь пріютъ, остальное же бралъ себѣ. Охъ, ужъ эти пріюты и благотворительныя учрежденія! Не даромъ во всѣхъ городахъ всей Россійской имперіи присосались къ нимъ и губернаторы, и полиціймейстеры, и исправники, земскіе начальники, становые приставы, жандармскіе офицеры, ихъ жены и прочая родня. Есть такіе губернаторы, которымъ народъ и подходящее названіе далъ, — онъ называетъ ихъ „*божьими ворами*". А кромѣ этихъ есть и „воры его величества". Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ полиція собирала силкомъ деньги на памятникъ царю Александру третьему. По доброй то волѣ на него мало кто жертвовалъ. Какъ пришелъ обыватель въ участокъ по какимъ-либо дѣламъ, тамъ ему и говорятъ „давай,—деньги жертвуй царю на памятникъ, царь-миротворецъ — благодѣтель твой"! Не мало этихъ насильно „жертвованныхъ" денегъ осталось въ полицейскихъ карманахъ! И правильно—сама полиція—тотъ же памятникъ царю Александру III,—онъ то ей особенную волю и далъ.

Не безгрѣшны въ грабительскихъ дѣлахъ всѣ полицейскія власти, сверху до низу — губернаторы и министры внутреннихъ дѣлъ, главное начальство полицейскаго воинства. Напримѣръ, министру идетъ изъ казны нѣсколько милліоновъ рублей въ „безотчетное распоряженіе". А куда расходуются эти денежки,—кто знаетъ? Одно только извѣстно, что всѣ министры богатѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Неужели же все отъ добродѣтели? Правда, въ законахъ гдѣ-то написано, что во вся-

кой копѣйкѣ министръ долженъ давать отчетъ царю. Но давать царю отчеты — все равно, что никому ихъ не давать: всѣмъ извѣстно, что царь въ денежныхъ дѣлахъ ничего не понимаетъ. Былъ въ 1880 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ (тотъ самый, который придумалъ урядниковъ). Этотъ министръ тоже царю отчеты давалъ, и царь ихъ читалъ и перечитывалъ. И этотъ министръ и при отчетахъ царю проворовался лучшимъ манеромъ. Маковъ все-же былъ человѣкъ очень совѣстливый, — не нынѣшнимъ чета: сначала Маковъ укралъ 45 тысячъ рублей какихъ то денегъ, пожертвованныхъ кѣмъ то на благотворительныя дѣла, а когда его кража раскрылась (о ней пропечатали въ газетахъ, печатавшихся безъ разрѣшенія начальства, тайнымъ способомъ)*) взялъ да и пустилъ себѣ пулю ва лобъ. Нынѣшній министръ, Фонъ-Плеве не такой совѣстливый: не даромъ онъ на своемъ вѣку три раза вѣру перемѣнилъ, — все искалъ, какая выгоднѣе. Самъ царь Александръ III про Плеве говорилъ, что „онъ на руку не чистъ“, а теперешній царь Николай II на этотъ разъ забылъ „завѣты покойнаго родителя“ и этого то Фонъ-Плеве поставилъ въ министры; самъ царь пустилъ козла въ огородъ, самъ царь поручилъ вору безотчетно распоряжаться деньгами, съ народа собранными и на полицію назначенными. Ну, какъ же вору не постараться для себя какъ слѣдуетъ? Въ этомъ году директоръ департамента полиціи Лопухинъ получилъ въ безотчетное распоряженіе 800 тысячъ рублей, а министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве и того больше. Ангелы они безгрѣшные! Ни копѣечки, надо полагать, къ ихъ рукамъ не прилипаетъ!

§ 4. Такъ полиція охраняетъ чужія денежки и народное добро.

А какъ она заботится о добрыхъ нравахъ русскихъ людей, царевыхъ вѣрноподданныхъ и о семейныхъ до-

*) Эта книжка тоже напечатана безъ разрѣшенія начальства. Развѣ начальство дало бы разрѣшеніе выводить на чистую воду всѣ его темныя дѣла?

бродѣтеляхъ ихъ? А вотъ какъ: чѣмъ хуже грязь пахнетъ, тѣмъ больше она полиціи дохода даетъ. Въ каждомъ городѣ найдется какая нибудь мразь не чище самой полиціи,—такая мразь, которая только отъ грязи и подлости и сыта. Гдѣ эта мразь, тамъ непремѣнно около нея и полиція. Издали кажется, что полиція за этой мразью „строжайше присматриваетъ“, а на дѣлѣ она просто напросто „доходъ себѣ собираетъ“.

Вотъ, напримѣръ, публичные дома и ихъ хозяйки и содержательницы. Эти заведенія—для полиціи настоящее золотое дно. Полиція съ нихъ пѣночки такъ и слизываетъ: тѣ работаютъ, а полиція ихъ обрабатываетъ: на деньгахъ вѣдь не написано:—откуда онѣ пришли,—изъ публичнаго дома, изъ воровскаго кармана или изъ царевой казны.

Въ Кронштадтѣ одинъ публичный домъ въ честь полиціймейстера Шафрова до сихъ поръ зовется „Шафровкой“, а одна хозяйка такого дома такъ и заявила на судѣ, что полиціймейстеръ для нихъ „отецъ и благодѣтель“! Полиціймейстеръ бога славилъ, когда къ содержательницамъ публичныхъ домовъ въ гости ходилъ за взятками, деньгами и натурою. А въ Харбинѣ полиціймейстеръ самъ нарочно посылалъ какого то мерзавца-сводника Бѣляева въ Иркутскъ и Читу за „живымъ товаромъ“, то есть за публичными женщинами, и съ этого хорошій доходъ имѣлъ; и этого самого сводника полиціймейстеръ вотъ какимъ удостовѣреніемъ снабдилъ:

Удостовѣреніе.

Полиціймейстеръ г. Харбина 28 августа 1901 г. № 5170.

„Дано сіе отъ Харбинскаго полицейскаго управленія мѣщанину Поликарпу Бѣляеву въ томъ, что ему разрѣшается безпрепятственный провозъ 15 (пятнадцати) проституткъ, что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется“.

Это „удостовѣреніе“ напечатано въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ“ и потому не выдумка. Но и это еще что! Другой полиціймейстеръ, города Царицына, выдалъ въ

1902 г. хозяйкѣ публичнаго дома Фирсюковой такое свидѣтельство: „названная Фирсюкова, проживая здѣсь въ городѣ Царицынѣ больше года, содержитъ домъ терпимости, ни къ какимъ тайнымъ сообществамъ не принадлежитъ и вообще поведенія добропорядочнаго и хорошей нравственности". Полиціймейстеръ такой-то. Все по благородному! Отчего не порадѣть родному человѣчку! Свой своему поневолѣ братъ!

Есть еще средство у полиціи насаждать добрую нравственность и за такую свою работу доходы получать. Это средство придумала лишь русская полиція, — нигдѣ на свѣтѣ оно не извѣстно въ другихъ странахъ: полиція забираетъ въ участокъ честныхъ дѣвушекъ и свидѣтельствуетъ ихъ словно публичныхъ женщинъ, коли онѣ отъ нея не откупятся. Такія дѣла полиціи раскрылись даже на судѣ недавно въ Кіевѣ, Трокахъ, Херсонѣ и другихъ городахъ. Въ Херсонѣ городовые Дудченко и Охулевъ задержали двухъ дѣвицъ, гулявшихъ на городскомъ бульварѣ и отправили ихъ безъ всякой причины въ участокъ; тѣ, разумѣется, стали плакать и просить городовыхъ, чтобы они ихъ отпустили домой: „Дайте намъ по рублю, тогда отпустимъ", отвѣчали слуги царевы, „а коли денегъ нѣтъ-давайте перчатки-и тѣ годятся." А во Владивостокѣ приставъ сдѣлалъ и того лучше Онъ велѣлъ забирать въ участокъ, тоже словно публичныхъ женщинъ, женъ рабочихъ-китайцевъ и требовалъ отъ мужей, чтобы тѣ выкупали оттуда своихъ женъ. Въ 1902 году въ Кіевѣ околоточный забралъ въ участокъ дѣвушку, проходившую по улицѣ, и несчастную насильно сталъ свидѣтельствовать полицейскій врачъ: а дѣвушка оказалась невинною! Въ г. Кобеляхъ Полтавской губ. полиція надругалась надъ честной дѣвушкой, по фамиліи К—вой, еще больше. Полиція просто напросто записала, здорово живешь, имя этой дѣвушки въ списокъ публичныхъ женщинъ. По этому списку ее притянули вмѣстѣ съ тѣми въ полицейскую канцелярію, а оттуда погнали въ пріемный покой, къ доктору, для освидѣтельствованія. Напрасно она плакала,

просила, молила не оскорблять ее: ее раздѣли и осмотрѣли, оскорбили и опозорили на весь городъ и на всю жизнь! Еще больше надругались надъ дѣвушками урядникъ Степунинъ и становой Тульчинскій (въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губ.). Они приказали согнать всѣхъ дѣвушекъ села Юрлы и самолично принялись осматривать ихъ и допть, какъ коровъ; и дѣлалось все это полиціей для того, чтобы узнать, которая изъ дѣвушекъ была недавно беременна, такъ какъ въ деревнѣ нашлось мертвое тѣло новорожденнаго младенца, и полиція отыскивала такимъ образомъ мать ребенка. Приставъ Крушевскій въ Тамбовской губерніи, вмѣстѣ съ какимъ то другимъ начальствомъ, ворвались въ пьяномъ видѣ, въ 5 часовъ утра, въ квартиру учительницы Лавровской, накинулись на нее, не дали ей одѣться и стали толпою свидѣтельствовать ее, не мужчина ли она.

Вотъ какъ бережетъ полиція дѣвическій стыдъ и добрые нравы. Нѣтъ, она пользуется своею властью и по женской части въ свое удовольствіе: коли власть дана и валяй во всю. Изнасилованіе женщинъ и дѣвушекъ полицейскими совершается чуть не каждый день. Этимъ полицейскимъ дѣламъ даже и счетъ потерянъ За изнасилованіе по русскому закону всѣмъ полагается каторга, а полицейскіе насилуютъ и позорятъ женщинъ среди бѣла дня, и на глазахъ у всѣхъ, и въ кутузкахъ, и въ тюрьмахъ и гдѣ пришлось; и имъ все съ рукъ сходитъ. Въ Екатеринославѣ въ 1903 году, на второй день пасхи, околоточный надзиратель, съ помощью ночного полицейскаго сторожа, затащилъ 19 лѣтнюю невинную дѣвушку (горничную) въ какой то подвалъ и изнасиловали тамъ ее и еще кому то дали ее насиловать; а въ это время два полицейскихъ стояли у дверей подвала на сторожѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Тюмени полицейскій Козленко изнасиловалъ въ каталажкѣ даже юродивую, полоумную дѣвушку. Въ 1897 году желѣзнодорожный жандармъ изнасиловалъ семилѣтнюю дѣвочку въ сторожевой будкѣ (объ этомъ даже писали въ газетахъ). А вотъ что продѣлано жандармами въ Петербур-

гѣ въ 1898 г. Они арестовали тамъ умную, честную молодую дѣвушку М. Ф. Вѣтрову за то, что она помогала рабочимъ во время ихъ забастовки. Жандармы засадили Вѣтрову въ Петропавловскую крѣпость и изнасиловали ее тамъ ночью, въ четырехъ стѣнахъ. Несчастная, опозоренная дѣвушка отъ обиды и отчаянія облила себя горящимъ керосиномъ и сгорѣла живьемъ. Чтобы скрыть свое позорное, преступное дѣло, жандармы не выдали даже мертваго тѣла Вѣтровой ея роднымъ,—похоронили тайкомъ сами и неизвѣстно гдѣ...

Такъ полиція заботится о добрыхъ нравахъ вѣрноподданныхъ русскаго царя. Стынетъ кровь въ жилахъ, когда слушаешь о такихъ заботахъ полиціи. Даже камни вопіютъ о ея дѣлахъ, и, читая о нихъ, поневолѣ себя спрашиваешь: что такое полиція? изъ кого она набирается, изъ людей или изъ звѣрей?

§ 5. А теперь, сосчитайте-ка еще, сколько достается россійской вѣрноподданной шкурѣ? Сколько эта самая шкура терпитъ отъ полицейскихъ кулаковъ, сапоговъ, нагаекъ и другихъ казенныхъ орудій? Власть полицейская дѣйствуетъ во всю не только по карманной и по женской части: у каждаго обывателя вѣдь шкура есть. Полиція не оставляетъ въ покоѣ и шкуру. Охъ, какъ сладко народу россійское отечество подъ ударами полицейскихъ кулаковъ! Каждый годъ полицейскій кулакъ сворачиваетъ сотни тысячъ мужицкихъ скулъ, выбиваетъ цѣлые кули зубовъ,—пусть, молъ, будетъ одна полиція зубастая, а всѣ прочіе русскіе люди и безъ зубовъ хороши. Кто считалъ, сколько людей избито и искалѣчено царевой полиціей? На Руси матушкѣ почти 1000 городовъ и 500.000 деревень, а въ нихъ не меньше трехъ-сотъ тысячъ кутузокъ, арестныхъ домовъ и холодныхъ; каждая кутузка то же, что мѣсто мученій, вродѣ старшинаго „застѣнка“. Кто туда попадетъ хоть въ пьяномъ, хоть въ трезвомъ видѣ,—оттуда безъ битья не выйдетъ. Многіе ли, побывавши тамъ, биты не были? Одинъ городовой такъ и говорилъ на судѣ: „у насъ бьютъ часто, а послѣ этого я всѣмъ подаю умыться.“

Сколько же милліоновъ народа побываетъ за годъ во всѣхъ 300 тысячахъ кутузокъ? По сту человѣкъ считай — и то 30 милліоновъ выйдетъ, а въ одной Одессѣ побывало ихъ въ годъ не сто человѣкъ, а 55 слишкомъ тысячъ, въ томъ числѣ 7 тысячъ женщинъ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ еще того больше. Посадить человѣка въ кутузку для полиціи ничего не стоитъ. Напримѣръ, вотъ за что попалъ въ кутузку нѣкій Семеновъ (въ Таганрогѣ) 10 января 1901 года. Онъ прошелъ въ звѣринецъ безъ билета мимо кассы, — и за это его тотчасъ же схватилъ городовой и поволокъ въ участокъ; по дорогѣ же избили и его и его знакомаго, который за него заступился. Или еще такой случай: у старика плотника Голуба во время работы почему то не оказалось при себѣ паспорта, — словно всѣ всегда обязаны его при себѣ въ карманахъ носить. Становой набросился за это на Голуба, избилъ старика и посадилъ въ кутузку, — разбирай, законно онъ или незаконно это сдѣлалъ—благо власть дана. Въ томской женской тюрьмѣ долго сидѣла глухонѣмая дѣвушка 18 лѣтъ, сестра телеграфиста или начальника станціи; полиція посадила ее въ тюрьму за то, что у нея паспорта нѣтъ (паспортъ и деньги были у нея украдены на желѣзной дорогѣ, а полиція ее усадила, не умѣя отыскать ея родныхъ). А вотъ за что попалъ въ кутузку одинъ гимназистъ московской гимназіи Сергѣй Б. Становой Путивльскаго уѣзда отъ этого гимназиста тоже потребовалъ паспортъ. У гимназистовъ вмѣсто паспортовъ имѣется гимназическій билетъ. Мальчикъ показалъ такой билетъ становому; за это становой посадилъ мальчика въ тюрьму, да еще написалъ въ протоколѣ, что этотъ гимназистъ—„человѣкъ неизвѣстнаго званія“ и „сумасшедшій“.

А сколько безпаспортныхъ въ кутузку попадаетъ? И сколько ихъ по этапамъ мучается? И сколько мытарствъ терпитъ простой народъ изъ за этихъ паспортовъ, придуманныхъ царями нарочно для удобства одной полиціи и для выгоды ея? Отъ безпаспортныхъ, какъ извѣстно, всѣ тюрьмы ломятся.

Кто въ кутузку попалъ, съ тѣмъ полиція ужъ не церемонится, благо съ улицы не видно и благо свидѣтелей постороннихъ нѣтъ: своя рука владыка — валяй во всю! Въ Одессѣ попалъ въ кутузку въ пьяномъ видѣ нѣкій мѣщанинъ Клинковъ; околоточный Садуковъ велѣлъ городовымъ „проучить его". Клинковъ безпомощно лежалъ на полу, а городовые, словно звѣри, били лежачаго и безсильнаго, — били въ голову, грудь и бока и въ лицо, искровянили и искалѣчили. А Садуковъ смотрѣлъ и только похваливалъ городовыхъ. А приставъ въ другой комнатѣ сидѣлъ и слушалъ и дѣлалъ видъ, будто не слышитъ и не понимаетъ ничего. Вотъ она, власть предержащая! „Нѣсть бо власти, аше не отъ бога!" — говорятъ попы. Ловко сказано! А по дѣламъ то полицейскимъ выходитъ, что придумать такую власть только самому дьяволу впору.

Въ Уфѣ полиція избила на глазахъ у всѣхъ одного рыбнаго торговца, котораго весь городъ зналъ. Сначала били въ циркѣ, при всей публикѣ, потомъ въ часть свезли и тамъ еще прибавили. Въ г. Славянскѣ въ 1899 г. городовые избили до безчувствія торгующаго крестьянина Безкровнаго, привезли его на полицейскій дворъ тамъ прогнали сквозь строй городовыхъ, разбили ему лицо, проломили голову. Во время это о битья, какъ водится, полицейскіе украли у Безкровнаго золотые часы и 330 руб. денегъ. Полиція деньги себѣ взяла, чтобы воры ихъ не украли, — разбирай потомъ, куда онѣ дѣлись. Въ Кривомъ Рогѣ въ 1901 г. полицейскіе стали бить на улицѣ одного мужика по фамиліи Столѣтняго. Чтобы спастись отъ нихъ, тотъ въ чужой домъ забѣжалъ, икону со стѣны снялъ, противъ полицейскихъ кулаковъ ее выставилъ, — воетъ, трясется и кричитъ: „Спаситель, спаси меня! у меня жена и дѣти!" Но Спаситель на полицію не дѣйствуетъ! Городовые отвели Столѣтняго въ часть и снова принялись бить его. Они ставили его внизъ головой, били нагайками, шашками и кулаками. На станціи Гжатскъ Московско-Брестской желѣзной дороги жандармъ Паухлѣба

избилъ 22 января 1903 года, на глазахъ у публики телеграфиста Иванова; онъ велѣлъ сторожу привести къ себѣ Иванова и сталъ его бить, затѣмъ потащилъ его въ багажное отдѣленіе и тамъ еще больше избилъ. А въ Смоленскѣ 1900 г. полиція избила даже урода-глухонѣмого и его же привлекла къ суду за „оскорбленіе власти". Да что ужъ тутъ объ избитыхъ говорить, — ихъ всѣхъ и не пересчитаешь!

§ 6. А пытка? Говорятъ, ее теперь не бываетъ въ Россійской державѣ, говорятъ, ее самъ царь запретилъ. Неправда, пытка лишь на бумагѣ запрещена,— просто для приличія До сего времени полиція пытаетъ тѣхъ, кто ей въ руки попался — благо она это можетъ скрыть. А для чего она это дѣлаетъ? Такимъ способомъ она „дознаніе производитъ", „истину" узнаетъ,—„признавайся, молъ, такой сякой, въ своихъ преступленіяхъ, а не то я тебя". Вотъ такъ добываніе истины! Такимъ способомъ и невинный скажетъ про себя "виноватъ, не буду, только отпусти душу на покаяніе, не мучь"! Полицейскіе, какъ въ старину палачи, дѣйствуютъ. Въ Стерлитомакскомъ уѣздѣ прославился урядникъ Мельниковъ въ 1898 г. Онъ заподозрилъ какого то мужичка въ кражѣ, забралъ его по своему усмотрѣнію въ кутузку, раздѣлъ до нага и сталъ бить нагайкой и велѣлъ ему натерѣть избитую спину водкой съ солью, наконецъ, велѣлъ набить ему полный ротъ мелкимъ перцемъ. Въ м. Горошкѣ (Волынск. губ.) въ 1903 г. становой велѣлъ урядникамъ [illegible]итать 5 человѣкъ крестьянъ и бить ихъ. И этихъ же крестьянъ потомъ судили. Судья сказалъ одному изъ нихъ; „Ты же при полицейскомъ дознаніи сознался въ кражѣ лошадей!" — Ваше высокородіе, отвѣчалъ ему несчастный подсудимый, — взгляните на мою спину — и увидите, почему я долженъ былъ сознаться въ томъ, чего я никогда не совершалъ! Въ Полтавѣ старшій городовой Потуданскій такъ пыталъ трактирнаго полового мальчика, что тотъ сознался въ небывалой винѣ (кражѣ часовъ), а затѣмъ, со страху, передъ новой такой же пыткой повѣсился; часы же на другой

день нашлись. Въ Самарскомъ уѣздѣ еще страшнѣе пыталъ крестьянина Муховикова становой Эшъ, добиваясь, не воръ ли онъ. Еще страшнѣе мучили въ Петербургскомъ сыскномъ отдѣленіи лакея Сіамскаго посла. И этотъ несчастный, какъ потомъ выяснилось, тоже былъ не виноватъ ни въ чемъ! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ становой Гриневичъ пыталъ даже дѣвушку (Анну Марцинковичъ)... Это то и страшно, что такіе случаи бываютъ на каждомъ шагу, что они дѣло обычное.

§ 7. Но и пытка еще что! Есть полицейскія дѣла и пострашнѣе пытки. Полицейскіе не только мучители,— они разбойники и убійцы. Они не только избиваютъ,— они и убиваютъ людей. И гдѣ еще убиваютъ то! Въ казенныхъ зданіяхъ, подъ россійскимъ двуглавымъ орломъ, чтобы знали всѣ вѣрноподданные, какія дѣла эти орлы прикрываютъ своими крыльями! Полицейскому заповѣдь „не убій“ совсѣмъ не указъ, онъ дѣйствуетъ по полицейскому правилу „богомъ жизнь человѣку дана, а полицейскимъ назадъ взята.“ Убійства, какъ и пытка, въ полиціи совершались нерѣдко и многое множество разъ. Полицейскія убійства — дѣла тоже обычныя. А еще ужаснѣе, что о нихъ лишь изрѣдка узнаетъ народъ — такія дѣла полиція дѣлаетъ чаще всего шито крыто, въ четырехъ стѣнахъ. 21 апрѣля 1899 г. убитъ полиціей крестьянинъ Воздуховъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ управленіи первой Кремлевской части. Полицейскіе пинали его ногами въ шею, бока и грудь, сломали ему десять реберъ, разбили голову. 17 мая 1903 г. убитъ полиціей крестьянинъ Свиностригинъ въ г. Сочи. Свиностригинъ пріѣхалъ въ городъ по торговымъ дѣламъ; собравъ съ должниковъ рублей полтораста денегъ, Свиностригинъ вдругъ услыхалъ, что одинъ его пріятель взятъ за что то полиціей и посаженъ въ мѣстный арестный домъ. Свиностригинъ пошелъ выручать пріятеля. Полиція посадила и самого Свиностригина въ тотъ же домъ. Онъ сталъ имъ говорить, что это не законно. Тогда полицейскіе принялись

его бить и убили. Онъ погибъ мученической смертью. Его тѣло представляло сплошную язву, одинъ глазъ былъ совершенно выбитъ, платье изорвано въ клочки, карманы выворочены наружу... Все было сдѣлано по разбойничьи, какъ подобаетъ настоящимъ разбойникамъ. 12 февраля 190 г. въ Колпинѣ, близъ Петербурга, городовые Совицкій, Рукманъ и Титовъ убили крестьянина А. Абрамова. 23 сентября 1902 г. убиты въ кордегардіи города Ананьева два крестьянина В. Хоменко и Я. Шевченко. Въ Симферополѣ въ 1902 г. убитъ полицейскими крестьянинъ Кожевниковъ. Въ 1901 г. въ Кіевѣ забитъ полиціей на смерть мѣщанинъ Иванпнъ. Въ 1903 г. въ томъ же Кіевѣ, въ Кіевской тюрьмѣ жандармы заколотили на смерть одного тюремнаго надзирателя за то, что при немъ изъ тюрьмы убѣжало нѣсколько человѣкъ. Они такъ били и истязали бѣднягу, что другой тюремный сторожъ со страху пошелъ и повѣсился, чтобы не испытать такого бп ья. Въ Луганскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ полиція убила рабочаго Зайкина. Въ Николаевскѣ полиція убила посреди бѣла дня, на улицѣ, д ра Жернова; въ 1899 г. 18 декабря 1901 г. въ Алуштѣ полиція убила въ кутузкѣ какого то неизвѣстнаго босяка. Бывали убійства и въ Петербургѣ (убиты босякъ и извозчикъ), Ярославлѣ, Москвѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. А сколько такихъ же дѣлъ осталось навсегда шито-крыто? Вотъ какъ охраняютъ полицейскіе отъ разбойниковъ и убійцъ: *они сами первые разбойники и убійцы.* Отъ нхъ охраны еще нужна охрана. И эти то звѣроподобные убійцы еще смѣютъ называть самихъ себя „блюстителями закона и порядка!“ Вотъ какъ они охраняютъ законъ и жизнь человѣчества!

§ 8. Но полицейскимъ злодѣяніямъ словно и предѣла нѣтъ. Полиція мало того, что губитъ и истязаетъ людей въ одиночку. Она губитъ ихъ иногда и тысячами сразу. Кто напримѣръ не помнитъ московской Ходынки, въ 1896 г. во время царской коронаціи, когда погибло по винѣ полиціи безъ малаго пять тысячъ чело-

вѣкъ? Это ли не злодѣяніе со стороны тѣхъ, кто долженъ за порядкомъ смотрѣть? Московская Ходынка—это жертвоприношеніе человѣческое, устроенное полиціей въ честь „помазанника Божія". Ходынка—это многотысячное убійство, содѣянное двумя полицейскими (великимъ княземъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ) для того, чтобы подставить ножку другъ другу. Генералъ-губернаторъ Московскій, великій князь Сергѣй не поладилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то есть полицейскій князь съ полицейскимъ министромъ спѣпился. Всячески скрывала и замазывала полиція въ этомъ злодѣяніи свою вину, а все же должна была написать кой-какую правду о ходынскомъ дѣлѣ (потому что не смогли отъ народа скрыть). Царь волей неволей написалъ въ своемъ указѣ: „Причину несчастья слѣдуетъ искать въ томъ, что московскія власти, обязанныя охранять порядокъ и безопасность столицы, не приняли своевременно должныхъ мѣръ для направленія массы народа, стремившагося на Ходынское поле". „Желаніе второстепенныхъ исполнителей присвоить себѣ несоотвѣтствующее значеніе, вызвало между ними соперничество, послѣдствіемъ чего было отсутствіе взаимнаго содѣйствія". Такъ пишетъ царь въ своемъ царскомъ рѣшеніи насчетъ Ходынки. Въ переводѣ на языкъ человѣческій, эти царскія слова означаютъ вотъ что: полицейскія власти враждовали между собой, подставляя ножку одна другой, каждая власть старалась забрать больше силы, выслужиться передъ царемъ, для этого старались больше всего охранять царя, а о народѣ, какъ водится, и забыли, не позаботились о немъ, какъ слѣдуетъ. Полиціймейстеръ Власовскій такъ и говорилъ на допросѣ: „мое мѣсто близь особы царя". Народъ шелъ за угощеніемъ прямо по полю, изрытому ямами, колодцами и рвами. Никто не позаботился о томъ, чтобы не было толкотни. Коронаціонная комиссія требовала какихъ то мѣръ отъ полиціи, полиція—отъ комиссіи. Генералъ-губернаторъ великій князь Сергѣй препирался съ министромъ двора, этотъ съ министромъ внутрен-

нихъ дѣлъ. Почти пять тысячъ человѣкъ вѣрноподданныхъ, устремившихся на царское угощеніе, были задавлены на смерть; еще больше народа получило тяжкія увѣчья. Эти мертвые, эти искалѣченные люди—были принесены въ жертву дрязгамъ полицейскихъ! Но и это еще не все. Комиссія, назначенная для разслѣдованія ходынской бойни, раскрыла страшное дѣло: полиція, устраивавшая ходынское торжество, не только погубила 5000 народа, но еще поживилась на его счетъ: было заказано подрядчикамъ и якобы принято по счету въ $2^1/_4$ раза больше пакетовъ съ подарками, чѣмъ сколько оказалось ихъ на лицо; двѣ трети бочекъ съ пивомъ, назначенныхъ „на народное угощеніе" было разставлены на полѣ пустыми. Артельщики, жандармы, полицейскіе, раздававшіе народу узелки съ угощеніемъ, брали съ народа за это взятки въ то самое время, какъ народъ погибалъ у всѣхъ на глазахъ. И въ концѣ концовъ, по царскому же приказу, слѣдствіе о ходынскомъ несчастіи было *прекращено*, такъ какъ оно стало раскрывать преступность очень высокихъ особъ, — генералъ-губернатора великаго князя, министра внутреннихъ дѣлъ и министра двора. Всѣ эти министры грѣли руки около народнаго праздника, всѣ дѣйствовали, какъ полиція—забывая о народѣ и заботясь о своихъ барышахъ. Не даромъ народъ кричалъ, хороня своихъ покойниковъ: „Долой полицію! Долой ее проклятую!"

А что сдѣлалъ царь-батюшка? Не повернулся языкъ царевъ, не осмѣлился правду-матку правильно высказать—все на второстепенныхъ полицейскихъ своротилъ, чтобы первостепенныхъ полицейскихъ выгородить,— то есть генералъ-губернатора великаго князя Сергѣя и министра внутреннихъ дѣлъ. Царь прогналъ съ мѣста лишь полиціймейстера Власовскаго, (да и то черезъ годъ простилъ и на новое мѣсто поставилъ), а всѣхъ прочихъ убійцъ полицейскихъ, всѣхъ прочихъ властей оставилъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ, имъ же и награды и ордена за коронацію роздалъ. Но и этого мало: царь батюшка въ тотъ же вечеръ поѣхалъ на придвор-

ный балъ танцовать по случаю своей коронаціи, пока народъ мертвыя тѣла разсматривалъ и искалъ своихъ покойниковъ.

Какого же имени заслуживаетъ это злодѣяніе полиціи? Вспоминаете ли вы, русскіе люди, своихъ покойничковъ? Вспоминайте же ихъ почаще и оцѣните проклятую полицію, какъ слѣдуетъ.

Со временъ Ходынки и сталъ народъ кричать на улицахъ: „Долой полицію!“, стали эти крики раздаваться все чаще и чаще по всей землѣ русской. Московскіе студенты въ слѣдующемъ году пошли служить панихиду по ходынскимъ покойникамъ и за это нѣсколько сотъ студентовъ было арестовано полиціей и пострадало въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ съ вѣдома и съ согласія царя. Но за то *съ этого времени народъ началъ понимать, что студенты—не враги ихъ*, а друзья. Ходынка много кой-кому разъяснила это.

§ 9. Толста, толста шкура вѣрноподданная. Надо полагать, куда легче побои терпѣть, чѣмъ мозгами шевелить; надо полагать, куда спокойнѣе быть благонамѣреннымъ, чѣмъ добиваться правильнаго пониманія разныхъ бѣдъ и золъ, напраслинъ и горестей. Ужъ чего кажется легче понять, что такое полицейскіе? Это по простому сказать—воры и разбойники, грабители и насильники, развратники и убійцы, худшіе изъ худшихъ, грязные изъ грязныхъ, такіе люди, у которыхъ ни совѣсти нѣтъ, ни стыда. А всѣ ли русскіе люди понимаютъ это? Иные говорятъ: „въ полиціи не только воры и разбойники служатъ,—тамъ и хорошіе люди есть“. Другіе говорятъ: „начальству повиноваться надо, потому въ писаніи сказано: „отъ Бога всякая власть“.

Хорошіе люди на службѣ полиціи! Да легче канатъ пропустить въ игольное ушко, чѣмъ хорошему человѣку быть на полицейской службѣ. На одну полицейскую рожу взглянешь и никогда не скажешь, что это люди хорошіе. А ну-ка, потребуй начальство составить всю полицію изъ однихъ хорошихъ людей? Да кого оно будетъ и хорошими то считать, коли оно само, это на-

чальство, не больно то хорошо? На вкусъ и на цвѣтъ товарища нѣтъ; кто для начальства хорошъ, тотъ для народа плохъ; коли низшее начальство не хорошо, высшее то вѣдь еще хуже. Составить всю полицію изъ честныхъ людей куда труднѣе, чѣмъ башню до неба выстроить: хорошіе люди не больно то въ полицію на службу идутъ,—такіе отъ нея сторонятся, по правилу: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ". Не всѣхъ людей купишь даже и за хорошее жалованье и доходы: у иныхъ вѣдь есть совѣсть и стыдъ. Не всякій въ помойную яму полѣзетъ, хотя бы на днѣ ея и брилліантъ лежалъ. А полиція развѣ не яма помойная? Иной изъ за нужды и идетъ въ полицейскіе, коли ему дѣться некуда. Но что изъ того выходитъ хорошого? Упалъ апельсинъ въ навозную кужу и провонялъ скорехонько. Порядочные люди въ полиціи совсѣмъ не ко двору: или будь какъ всѣ, или прочь уходи, другимъ не мѣшай; кто съ волками живетъ, тотъ и поневолѣ по волчьи воетъ. Хорошаго человѣка само начальство полицейское у себя держать не станетъ, чтобы онъ полицейскихъ дѣлъ не обличилъ и не повредилъ бы полиціи; а кого оно держитъ на службѣ —значитъ, готово! —тотъ человѣческій образъ уже потерялъ! Даже изъ ангела безгрѣшнаго полицейскіе мигомъ чорта сдѣлаютъ, лишь только его въ городовые или въ жандармы поставятъ да велятъ ему исполнять все, что по службѣ требуется. Уставъ полицейской службы вѣдь не для ангеловъ написанъ; а кромѣ того, поставь надъ ангеломъ чорта, какъ начальство, что тогда отъ ангельской души останется? Дай кому угодно большую власть надъ людьми—отъ такой власти даже лучшій человѣкъ испортится. Ужъ не полицейскій ли удержится, чтобы свою власть не показывать, особенно надъ простымъ человѣкомъ, и коли ему власть даже по закону дана? Да онъ ее и по закону и сверхъ закона покажетъ, да еще къ ней прибавитъ отъ лукаваго,—„вотъ тебѣ, вѣрноподданный, кушай на здоровье!" Да что тамъ власть! Нажива да выгода сильнѣе власти прельщаетъ. Какъ полицей-

скому не поживиться на чужой счетъ, коли такая нажива—дѣло и возможное, и легкое, и среди полицейскихъ обычное? Много ли такихъ, кто отъ соблазна устоитъ? Одинъ устоитъ, а сто поддадутся. Говорятъ, „не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто". Сущая ерунда! не успѣетъ человѣкъ украсить собой полицейское мѣсто,—смотришь, онъ самъ на немъ ужъ испортился. Тысячи людей—бѣдняковъ, если не десятки тысячъ, каждый годъ поступаютъ на службу въ полицію ради жалованія и продаютъ такимъ способомъ свою душу и дѣлаются негодяями и мерзавцами въ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и скорѣе. Быстро портитъ человѣка тюрьма, житье бытье арестантское, а полицейская служба портитъ самаго хорошаго человѣка еще быстрѣе. Вотъ оттого то до сихъ поръ нигдѣ нѣтъ такой полиціи, которая была бы составлена изъ хорошихъ людей. И чѣмъ ей больше дано власти, тѣмъ она и хуже. Отчего до сихъ поръ полицію у насъ изъ хорошихъ людей не составили? Да потому, что не могли, это дѣло невозможное. Для полицейской службы только мразь надобна. Пословица говоритъ: „было бы корыто, а свиньи найдутся". Вотъ это правильно! Во всякомъ народѣ водятся завѣдомо дрянные, негодные людишки, безсовѣстные гнуснецы, прохвосты, испорченные съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Такіе вездѣ есть; можетъ ли быть для нихъ на всемъ свѣтѣ мѣстечко удобнѣе, чѣмъ служба въ полиціи? Это корыто такъ ихъ тянетъ. На службу въ полицію ихъ съ радостью берутъ, и они туда съ удовольствіемъ идутъ; служба полицейская этой мрази выгодна, а эта мразь выгодна ей. Разной мразью полиція и держится, и не въ свиньяхъ тутъ корень зла, а въ корытѣ, потому что оно собираетъ всевозможныхъ свиней въ одно стадо, а въ стадѣ всякая свинья сильнѣй, чѣмъ въ одиночку. Вотъ то-то именно и страшно, что всѣ мерзости полицейскія — не случай простой; всѣ онѣ дѣло обычное, обыкновенное, обыденное; всѣмъ они глаза намозолили, душу выворотили. И вотъ эти самыя поддонки, отбросы всего народа русскаго именно и при-

званы теперь служить вѣрѣ, царю и отечеству „не за страхъ, а за совѣсть“, благо у нихъ и совѣсти то нѣтъ...

Такъ вотъ почему все чаще и чаще слышатся на Руси крики: „Долой полицію!“

И когда народъ выходитъ на улицу съ этими криками, то все чаще и чаще начинаетъ у него щевелиться одна и таже дума: „Долой полицію — это значитъ долой всѣхъ тѣхъ, кто ей далъ такую власть и силу, кто отдалъ въ ея распоряженіе все, кто поддерживаетъ и защищаетъ разбойничье полицейское на Руси. „Долой полицію“—это значитъ долой всѣ тѣ наши порядки и законы, на которыхъ держатся полицейскія безчинства, хищенія и разбои.

На яблонѣ не выростаетъ репейникъ, и если царское правительство выростило такой репейникъ, какъ наша полиція, такъ это что нибудь да значитъ...

И вотъ почему даже самый безобидный обыватель теперь такъ часто выходитъ на улицу и къ крику: „ долой полицію!“ все чаще и чаще начинаетъ присоединять другой крикъ:

„Долой самодержавіе!“

———

ПѢСНЯ

На разсвѣтѣ, раннимъ утречкомъ
Вышло солнышко, вышло красное
Изъ-за славныхъ, волжскихъ Жигулевыхъ горъ,
Поднималося во поднебесье,
Свѣтлымъ взоромъ вкругъ поглянуло.
Видитъ—въ небѣ тучки вольныя,
Вольны рыбки въ волнахъ плещутся,
И надъ цвѣтиками, надъ лазоревыми
Нѣтъ ни барина, ни указчика....
И глядитъ на нихъ свѣтло солнышко,
На приволье ихъ улыбается.
Какъ поглянуло солнце красное
На народъ честной, на весь родъ людской,—
Видитъ: вся земля заграблена,
Трудовой народъ нищета грызетъ,
А чиновные злые воронья
Кабалятъ его, топчутъ подъ ноги;
А поповство долгогривое
Лживымъ словомъ одурманиваетъ,
Другъ на дружку зло науськиваетъ....
Позабыли люди правду братскую,
Позабыли волю вольную:
Братъ на брата кандалы куетъ,
Точитъ саблю, саблю вострую!....
Затуманилось солнце красное
Сизой тучей позадернулось....
Ужь ты солнышко, солнце свѣтлое,
Солнце ласково, да привѣтное,
Не годится тебѣ, солнце, туманитись,
Не пригоже въ тучи прятаться!

Не на вѣкъ Кривда Правду опутала,
Не вовѣкъ насильникамъ властвовать:
Входитъ въ разумъ трудовой народъ!
Онъ одумается да осмѣлится,
Станетъ дружно за Правду-матушку,
Заведетъ порядки настоящіе –
Будетъ тебѣ на что порадоваться!
Улыбнись намъ, красно солнышко,
Ты свѣти намъ ярче прежняго,
Чтобы видѣлъ всякъ Кривду подлую,
Чтобы зналъ народъ—въ чемъ задоринка,
Чтобъ познался онъ Правду—матушку,
Чтобъ не вѣшалъ буйну голову,
Чтобъ не складывалъ рукъ мозолистыхъ,
А растилъ бы удаль смѣлую,
Удаль бойкую, молодецкую!
И придетъ тогда свѣтлый праздничекъ
Будетъ праздникъ—и не маленькій—
На той—ли трудовой на улочкѣ,—
Воцарится Правда свѣтлая,
Правда братская, всѣмъ привѣтная!

Библиотека ИМЭЛ